

Отношение россиян к коррупции

А. А. Максименко¹, О. С. Дейнека²,
Д. В. Крылова¹, Л. Н. Духанина³

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, ул. Мясницкая, 20

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

³ Российское общество «Знание»,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Николаямская, 11

Для цитирования: Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Духанина Л. Н. Отношение россиян к коррупции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>

Представлен аналитический обзор современных отечественных и зарубежных исследований по социологии коррупции и психологии коррупционера. Обосновывается необходимость междисциплинарного изучения отношения к коррупции, ментальных и ситуативных предпосылок коррупционного поведения. Приведенные эмпирические результаты опираются на данные масштабного опроса, который провели в 2018 г. эксперты Российского общества «Знание» совместно с фондом «Национальные ресурсы образования». В результате исследования получена развернутая картина представлений россиян о сути и причинах коррупции в России, типичных поведенческих реакциях на коррупционные ситуации, о степени заинтересованности граждан в преодолении коррупции. В ходе обследования россиян выявлены доминирующие представления о последствиях коррупционных действий, получена обратная связь по вопросу об эффективности методов борьбы с коррупцией. В отношении россиян к коррупции выявлены противоречия. Подавляющее большинство респондентов избегают коррупционного поведения, осознают издержки коррупции для экономики и социального развития страны. Почти половина респондентов считает коррупционные действия аморальным поступком, но не станет колебаться и нарушит правовые и культурные нормы, если речь пойдет об угрозе жизни и специализированной медицинской помощи для себя и близких людей. При высокой степени осуждения коррупционного поведения и признания в качестве наиболее эффективных мер строгих наказаний коррупционеров россияне практически не готовы помогать институтам контроля и наказания, участвовать в пресечении коррупционных действий. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего поиска причин относительно толерантного отношения россиян к коррупции и их вовлеченности в коррупционное поведение.

Ключевые слова: социология и психология коррупции, исследование общественного мнения, отношение к коррупционным практикам, взяточничество, последствия коррупции, отношение к методам борьбы с коррупцией.

Введение

Обозначенный в национальных планах¹ противодействия коррупции вектор исследования феномена коррупции стал стимулом систематизации нормативно-правовой базы, что позволило устранить пробелы и нивелировать противоречия в правовом регулировании в сфере противодействия коррупции, но пока не позволил оценить всю сложность коррупционных процессов в их эволюции и, что самое важное, понять драйверы законопослушного поведения граждан.

При продвижении по пути решения этих задач у носителей социологического знания возникает потребность в междисциплинарных исследованиях. Помимо правовых аспектов, для изучения феномена коррупции привлекаются идеи экономистов, культурологов, психологов.

Началом развития темы коррупции в западной социологии послужила скромная работа С.Алатаса «Социология коррупции» [1]. В дальнейшем социология коррупции оформилась в самостоятельное направление. Раскрывая связь субъекта коррупционных действий и социокультурных условий жизни общества, отечественные исследователи определяют основные теоретические подходы к социологическому анализу коррупционных явлений [2], среди которых коррупция как девиантное поведение (Э. Дюркгейм), коррупция как социальные практики (П. Бурдьё, Э. Гидденс), коррупция как социальный концепт (Г. Беккер).

В российской социологии системно коррупцию стали изучать на рубеже XX–XXI веков, а к середине нулевых годов социология коррупции пополнилась различными конструктивными классификациями [3–5] и результатами масштабных исследований [6; 7]. Позднее российские социологи начали уделять внимание проблематике бытовой коррупции [8] и восприятию коррупции в различных профессиональных сферах [9].

В экономической теории коррупции, которая прежде всего связана с именем С. Роуз-Аккерман [10], коррупция рассматривается с позиции статусно-сословной (административной) ренты [11; 12] или экономики раздатка [13]. Особенностью поведения агента в этих координатах зачастую является поддержание эффективности экономической системы с возможностью сохранения рентных доходов при неэффективном использовании ограниченных общественных ресурсов [14], извлечение непроизводительного дохода и оптимизация необходимых издержек за счет использования доступных ресурсов в целях реализации своих интересов [15; 16].

Применительно к криминологии Ф. Танненбаум [17] развил теорию символического интеракционизма Г. Мида, согласно которой общество способно стигматизировать ту или иную группу людей (в контексте нашего анализа — чиновников),

---

¹ О национальном плане противодействия коррупции на 2008–2009 годы (утвержден Указом Президента РФ 31 июля 2008 г. Пр-1568); О национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы (утвержден Указом Президента РФ 13 апреля 2010 г. № 460); О национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы (утвержден Указом Президента РФ 13 марта 2012 г. № 297); О национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы (утвержден Указом Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226); О национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы (утвержден Указом Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147); О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы (утвержден Указом Президента РФ 29 июня 2018 г. № 378).

определяя способы категоризации людей и атрибутируя для этой цели палитру качеств, которые впоследствии считаются нормой. В результате подобного наклеивания ярлыков все государственные и муниципальные служащие (без установления степени коррупциогенности той или иной занимаемой должности) становятся плохими, поскольку общество априори квалифицировало их как девиантов. В связи с этим Е. Лемерт [18] вводит понятие «вторичной девиации» как реакцию на стигматизацию после официального клеймения.

Психологическая линия в работах социологов начинает высвечиваться уже в конце XX в. Так, А. Хайденхаймер [19; 20] предлагает цветное маркирование восприятия коррупции в массовом сознании граждан, определяя белым цветом моральную приемлемость сложившихся коррупционных отношений, черным — общественное осуждение действий лиц, использующих должностное положение, и серым — отсутствие консенсуса у большинства в обществе по поводу отношения к коррупционным действиям. Такая точка зрения близка релятивистским взглядам Д. Тенцлера и его коллег [21], предложившим «препарировать» коррупцию с помощью модели ее восприятия и понимания различными социальными субъектами в разных обществах.

Следует отметить встречное движение социологов и психологов при исследовании такого сложного социального явления, как коррупция. В социологических работах, направленных на изучение состояния общества, общественного мнения, успешно используется терминология психологов, когда речь идет об отношениях, мотивах, установках, ценностях. В свою очередь, психологи активно запрашивают данные масштабных исследований, выполненных социологами. При этом представители обеих наук стремятся учесть культурно-исторические факторы и предпосылки коррупции.

В рамках социально-культурной парадигмы изучения коррупции Т. А. Нестик выделяет три подхода: коррупция как совокупность определенных ценностей, норм, представлений, обычаев; коррупция как временная дисфункция, возникающая в контексте аномии (подход сопряжен с теорией структурного функционализма Т. Парсонса и Р. Мертона); коррупция как стабильно функционирующий феномен, воспроизводимый традицией национальной культуры [22].

Основательный социологический анализ коррупции, выполненный М. В. Шедий, показал, что ей не удалось избежать «психологизма», который вскрывается в описании коррупции как реакции населения на нестабильную и неэффективную экономическую и социальную политику государства, попытку корректировки ее наиболее явных дефектов. В ходе социальной адаптации у значительной части населения ведущую роль в ценностной структуре стали играть ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения, что способствовало повышению готовности российского социума к коррупционным отношениям [23]. Коррупцию как суррогат регуляции экономических отношений в обществе рассматривают также ряд других авторов [22; 24; 25].

В исследовании Е. В. Денисовой-Шмидт, М. Хубер и Э. О. Леонтьевой [26] показано, что антикоррупционные просветительские программы при слабых институтах в обществе могут выступать готовыми образовательными технологиями, используемыми склонными к коррупции лицами (корпоративной бюрократией) для выстраивания более сложных, изоциренных схем противоправных действий. Более

того, последователи социального конструктивизма утверждают [27; 28], что понятие «коррупция» социально сконструировано на базе допустимого и приемлемого в рамках цензуры дискурса. Внимание исследователей при этом сконцентрировано на исходных положениях и значимых последствиях оперирования понятийным аппаратом и инкорпорированного в научном поле концепта коррупции.

Обращаясь к проблемам коррупции, ученые в основном уделяли внимание деформациям на уровне общества, но некоторые работы посвящены факторам коррупции на уровне организации и на уровне личности.

В монографии «Психология коррупции: утопия и антиутопия» М. М. Решетников рассматривает коррупцию как категорию внеэкономическую, как некую психологическую готовность к коррупционному поведению [29]. Эмпирическое обоснование такой подход получил в исследованиях О. В. Ванновской, которая подошла к анализу коррупционного поведения как к сочетанию коррупционной устойчивости и коррупционного давления с учетом влияния фактора профессиональной деформации (профессионального выгорания). В ее сравнительном анализе идеального и коррупционного поведения государственных служащих выделены основания для дихотомий целей («личная выгода» или «служение обществу»), ценностей («эгоистические ценности» или «ценности общественного долга»), социальных установок («я для общества» или «общество для меня») [30].

Проблемы коррупционного поведения последовательно и основательно изучаются в Институте психологии РАН. В монографии «Социально-психологические исследования коррупции» А. Л. Журавлев, Д. А. Китова и В. А. Соснин [31] обобщают ряд проведенных ими в нулевых и десятых годах XXI в. исследований. В частности, данные, полученные на репрезентативных выборках, свидетельствуют о том, что 63 % россиян вступали когда-либо в коррупционные отношения, причем мужчины это делали чаще (75 %), чем женщины (52,2 %). Последнее авторы объясняют стереотипным отношением полов к этому явлению: негативно к коррупции относятся лишь треть мужчин и около 50 % женщин. Были также выявлены некоторые особенности темперамента в портрете коррупционера. Так, чаще всего взяточник, привлеченный к ответственности, был сангвиником (40,2 %) или флегматиком (30,5 %).

В эмпирических исследованиях одного из авторов настоящей статьи выявлены культурные, классовые и некоторые личностные различия в отношении к коррупции [32], а также исследованы представления молодежи о мерах снижения коррупции в России [33].

Изучая психологию осужденных за коррупционные правонарушения, М. Баттон и его коллеги с помощью личностных опросников выявили у респондентов импульсивность, низкий контроль гнева, склонность к риску, сочетание высокой экстраверсии и артистичности, переходящей в лицедейство [34]. При этом, как утверждает Дж. Бликль с коллегами, у коррупционеров гедонизм, нарциссизм и низкий самоконтроль могут успешно сочетаться с высокой добросовестностью [35]. Это наводит на мысль о том, что акцент в мотивации коррупционных правонарушений может смещаться от материального интереса, алчности (превалирующих, вероятно, в 1990–2000-х годах) к мотиву азарта (гэмблинга) как основному мотиву современного коррупционера. Высказанное предположение носит характер гипотезы и нуждается в эмпирической проверке на репрезентативной выборке с учетом

мнений экспертов, а также углубленного изучения и понимания жизненного мира² как чиновников, так и наемных работников современной России.

В статье грузинского коллеги [36] было показано, что низкая оценка распространенности взяточничества и коррупции в стране связана с денежной этикой (коэффициент корреляции $r=0,62$), трудовой этикой (0,78), приверженностью к организационной культуре (0,49), удовлетворенностью работой (0,62). При этом не удалось выявить взаимосвязи с полом, возрастом и религией.

Исследования коррупции в Джакарте (США) показало, что люди, которые более склонны к коррупционному поведению, были индивидуалистами, а не коллективистами. Кроме того, лица, склонные к коррупции, также имели более слабые моральные качества [37], что нашло подтверждение и в эмпирических данных одного из авторов статьи [25].

Межкультурные исследования выявили, что более развитые страны, где ценят индивидуальную автономию, менее коррумпированы [38]. Гендерное равенство и участие женщин в политике также отрицательно связывают с коррупцией в стране. В развивающихся странах, где женщины ограничены в участии в политической жизни, уровень коррупции, как правило, высок [39].

В опросах, касающихся взаимосвязи веры в справедливый мир³ с коррупционным поведением, исследователи предположили, что коррупционное поведение (т. е. как дача, так и получение взятки) будет связано с силой веры в справедливый мир и коррупционные отношения будут опосредованы предполагаемым наказанием. Участники, которые вспоминали несправедливое событие, выражали более сильное намерение дать или взять взятку. Напоминание о несправедливом личном событии могло усилить ощущение, что человек имеет право или заслуживает выгоды (чтобы получить то, что он заслуживает).

Исследование Нильса Кристофера Кёбиса «Социальная психология коррупции» [40] посвящено проверке гипотезы о том, какой путь взяточника предпочтительнее: мелкое частое взяточничество или разовое, но очень крупное. В пятой главе «Дорога к взяточничеству и коррупции: крутой обрыв или скользкий склон» он описывает две распространенные стратегии взяточничества (см.: [40, р. 93–113]):

1. «Скользкий склон» — коррупционеры начинают с незначительных проявлений коррупции, при этом они рассматривают их как неявные ориентиры этических дилемм. Со временем коррупционер позволяет себе все больше этических нарушений, и в итоге проявления коррупции они становятся более значимыми.
2. «Крутой обрыв» — подразумевает одновременную возможность крупного этического нарушения в форме коррупции. Зачастую человек поражен неожиданной возможностью, характеризующейся немедленной выгодой. Такая возможность является очень привлекательной, сочетая в себе уни-

² Юргеном Хабермасом в работе «Система и жизненные миры» (1987) показано, что социальный мир постигается субъектом как двухступенчатый: сначала как системный, а затем как жизненный.

³ Вера в справедливый мир в 2014 г. была предложена в качестве еще одной детерминанты коррупционного поведения. Концепция веры в справедливый мир была предложена Лернером в 1980 г. и относится к убеждению человека в том, что люди получают то, что заслуживают, и заслуживают того, что получают. Вера в справедливость (BJW) играет роль в несправедливых ситуациях, помогая людям примирить противоречивую информацию между их убеждениями и опытом или наблюдениями за несправедливостью, помогая адаптироваться и поддерживать свое психическое здоровье.

кальность и крупную выгоду. Все это позволяет легче рационализировать разовый акт неэтичного поступка, нежели его повторяющиеся проявления. В данном случае применима немецкая пословица «einmal ist keinmal» — «один раз не в счет».

Согласно результатам автора, вероятность немедленного серьезного подкупа в 5,25 раз больше, чем ситуация, при которой участникам бы пришлось постепенно заниматься более мягкими формами коррупции. И это вопреки широко распространенным убеждениям. Таким образом, иногда путь к коррупции ведет скорее по крутому обрыву, чем по скользкому склону. По нашему мнению, которое нуждается в дополнительной верификации, в современной России также преобладает стратегия «крутого обрыва», тогда как в 1990-х годах, как и в начале 2000-х, доминировала стратегия «скользкого склона».

М. Горсира, Л. Стерг, А. Денкерс, В. Хуисман в статье «Коррупция в организациях: этический климат и индивидуальные мотивы» отразили результаты исследования по опросу чиновников и наемных сотрудников, работающих в бизнесе, в Нидерландах [41]. Анализируя результаты проведенного исследования, можно заметить, что и в государственном, и в частном секторе, воспринимаемый позитивно этический климат отрицательно связан с коррупцией. Респонденты из обоих секторов, воспринимающие свой организационный климат как более этичный и менее эгоистичный, были меньше подвержены коррупции. Следовательно, стратегии, направленные на взаимодействие между организационными факторами и индивидуальными мотивами, кажутся многообещающими в борьбе с коррупцией. Для того чтобы эффективно удержать сотрудников от участия в коррупции, организациям стоит применять меры, которые укрепляют этический климат организаций и поощряют принятие этических решений на основе заботы о благополучии других.

Согласно социологическим исследованиям 2019 г. Фонда «Общественное мнение»⁴, более половины россиян (54%) к коррупции относятся толерантно и сами участвуют в коррупционных практиках. Распространенность коррупции подтверждается не только степенью охвата и вовлеченностью, но и степенью ее укорененности в социальных практиках. Еще до вступления в контакт с представителями власти две трети респондентов уже знали, что необходимо дать взятку определенному лицу для решения своих проблем, а более 60% указали, что им даже была известна величина взятки. Подобные свидетельства слаженной коррупционной системы подтверждают необходимость более обстоятельного анализа отношения и восприятия коррупции населением России, мониторинга массового сознания граждан.

Методы эмпирического исследования

В марте 2018 г. активом Российского общества «Знание» совместно с фондом «Национальные ресурсы образования» был проведен масштабный опрос (2500 респондентов из 82 регионов России), выявляющий отношение к проблемам коррупции. Опрос прошел при помощи онлайн-панели, размещенной по адресу <https://>

---

⁴ Уровень коррупции в России: мониторинг (оценки уровня коррупции с 2009 года и их динамика). URL: fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185 (дата обращения: 22.11.2019).

pro.center/category/polls, с применением квотного отбора (пол, возраст, регион проживания) респондентов по всей России. Для такой выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

Целью исследования стала фиксация ментальных установок россиян относительно феномена коррупции. Задачи исследования сводились к ответу на вопросы о вовлеченности россиян в коррупционные практики, об отношении сограждан к коррупции, оправдании сторон, участвующих в коррупции в ситуациях вынужденности и добровольности дачи взятки, о мотивах дачи/получения взятки должностным лицом и готовности решить свой вопрос за дополнительную плату.

Способ анализа результатов заключался в математической обработке данных, их систематизации (подсчетом распределения вариантов ответов) и визуализации, т. е. наглядном представлении в виде графиков и таблиц.

Опросом были охвачены российские граждане в возрасте от 18 до 65 лет, из которых 52 % — женщины и 48 % — мужчины. Образование респондентов: 60,3 % имеют высшее образование, 20,5 % — среднее профессиональное, 8,8 % — неполное высшее, 5,4 % — среднее образование, 2,7 % — неполное среднее, 2 % — научную степень, 0,5 % — неполное среднее. Экономический статус респондентов: 5,1 % респондентов хорошо обеспечены (могут позволить себе покупку автомобиля, дачи, дома); 44,6 % констатируют, что в целом они обеспечены, но не могут себе позволить дорогостоящие приобретения без обращения к кредиту; 34 % хватает на еду и одежду, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту вызывает затруднения; 15 % живут крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды вызывает сложность⁵.

Методологически опрос опирался прежде всего на диспозиционную концепцию личности В. А. Ядова [42], которую можно рассматривать как общую территорию социологического и психологического знания. Диспозиции, или предрасположенности, к реагированию на общественные явления и окружение близки к психологическому понятию «установка», аттитюды. В иерархии диспозиций для диагноза и прогноза уровня коррупции стратегически важен ценностный уровень массового сознания. Тактически для анализа результатов конкретного замера коррупционных и антикоррупционных практик целесообразно обратить внимание на наличие/отсутствие гармонии в структуре установки (понимания, отношения и действия).

Результаты исследования

Остановимся на основных результатах исследования.

Ответы на вопрос «Какие действия Вы бы отнесли к коррупции?» представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, к фактам коррупции респонденты относят действия, которые можно квалифицировать как грубое нарушение существующего порядка или незаконные действия должностных лиц (получение прав без прохождения экзаменационных процедур, закрытие уголовного дела, влияние на положительный

---

⁵ Соответствует данным Росстата РФ, согласно которым почти половине россиян (48,2 %) хватает денег только на еду и одежду, однако товары длительного пользования они позволяют себе не могут (данные за IV квартал 2018 г.).

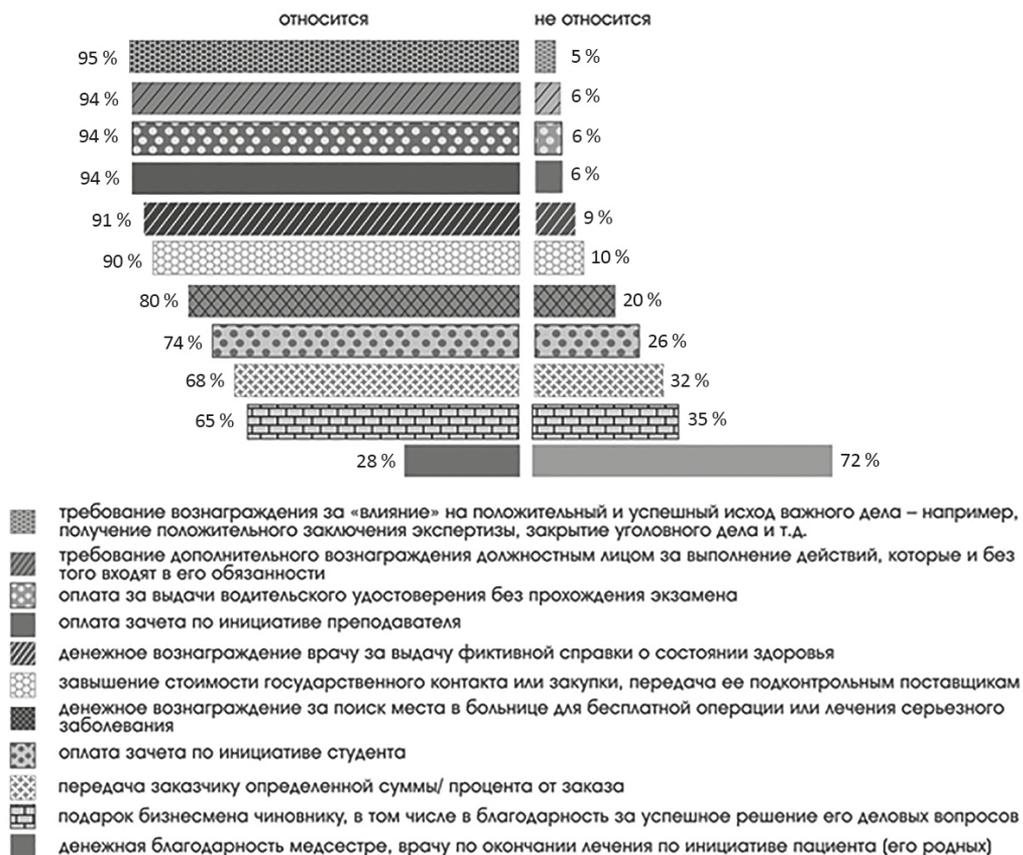

Рис. 1. Оценка респондентами различных ситуаций на коррупционную составляющую
Источники: авторские данные

исход дела). Покупка справки о нетрудоспособности или оплата зачета по инициативе студента воспринимаются с меньшим осуждением и попадают в зону серой коррупции, тогда как денежная компенсация врачу считается социально приемлемой. Дифференцированное восприятие различных ситуаций на предмет их коррупционной составляющей фиксировалось нами и ранее. Так, опрос костромских чиновников [43] продемонстрировал относительное отношение к коррупции респондентов. Случаи «серой коррупции» (в понятиях А. Хайденхаймера, когда у респондентов не возникает единодушного осуждения сложившихся практик использования служебного положения в целях личной выгоды) ими интерпретировались как ситуации взаимного оказания услуг. В этом случае прослеживаются признаки дара, который юристы в области медицины следующим образом отличают от взятки: «Взятка отличается от дара не размером суммы, а по самой сути, поскольку взятка — это конкретное действие в угоду взяткодателю или лицам, которых он представляет. <...> Для различения подарка и взятки следует учитывать, что подарок не предполагает встречного обязательства. Лицо получает его не за действие (бездействие), которое оно может осуществить, а как знак уважения и внимания. Соответственно и вручающий подарок не рассчитывает на какие-либо ответные действия (бездействие) в его инте-

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос о том, кто является коррупционером в ситуации передачи взятки в материальном или нематериальном выражении

Источники: авторские данные.

ресах со стороны должностного лица в связи с его служебным положением. Но что происходит, если стоимость подарка превышает разрешенную ГК РФ сумму в 3 тыс. руб.? Если врач принимает такой подарок, то в этом случае он нарушает ГК РФ, а не УК РФ. Дисциплинарно он может быть наказан, но уголовного преследования не будет, поскольку это был дар. К тому же врач мог не знать не только о сумме подарка, но и о самом подарке, ведь о благодарности людей не предупреждают. Также следует обратить внимание на то, что когда медицинский работник выходит на улицу после работы, он становится обычным гражданином, может принимать любые подарки, поскольку ограничение, предусмотренное статьей 575 ГК РФ, налагается на медицинского работника только на прием подарков при исполнении своих профессиональных обязанностей»⁶. Подарок врачу или медсестре по инициативе благодарного пациента или его родственника не воспринимается большинством респондентов как коррупционное правонарушение. С точки зрения теории обмена он считается даром и обеспечением равновесия, баланса и справедливости [9], что вписывается и в ожидания наших сограждан, обусловленные культурным кодом и традициями базовых ценностей россиян.

На вопрос о степени виновности сторон в ситуации мздоимства (взяткодателя или взяткополучателя) были получены следующие ответы (рис. 2).

Из рисунка 2 видно, что 2/3 опрошенных считают, что в ситуации передачи взятки в материальном или нематериальном виде коррупционерами являются обе стороны, меньше пятой части респондентов (18,2%) считают, что коррупционером является только тот, кто берет взятку, 12,9% опрошенных отметили, что это зависит от обстоятельств. Примечательно, что только около 1% респондентов считают коррупционером лицо, дающее взятку. Из этого следует, что дача взятки особо не осуждается россиянами. Опрошенные следующим образом поясняли свой выбор

⁶ Защита прав врачей / отв. ред. И. О. Печерей. М.: Национальная медицинская палата, 2019. URL: https://nacmedpalata.ru/files/addonfiles/doctor_protection.pdf (дата обращения: 11.12.2019).

ответами в открытой форме: ... в принципе виноваты оба, но прежде всего тот, кто берет. В случае если дающий взятку был принужден к ней, он может быть признан невиновным (г. Мыски, Кемеровская область); Тот, кто берет взятку — всегда коррупционер, так как у него всегда есть выход не брать ее. А тот, кто дает, зависит от обстоятельств. Иногда человека просто ставят в такие условия (вымогают), что он просто не видит другого выхода. Или какие-то тяжелые жизненные обстоятельства заставляют человека давать взятку. Нельзя одинаково рассматривать возможность выбора брать / не брать и давать / не давать (г. Осинники, Кемеровская область); Коррупционер — тот, кто берет, но тот, кто дает не лучше, он спонсирует коррупцию, создает саму базу для ее существования (г. Архангельск); При вымогательстве взятки за действия, которые лицо должно исполнить по долгу службы при угрозе жизни, здоровью (и прочее) взяткодателя, коррупционером должен считаться только берущий (Ростовская область).

Таким образом, при вымогательстве респонденты оценивают как более добропорядочного того, кто дает взятку (особенно в ситуации безвыходности), чем того, кто ее вымогает. В этом случае проявляется лояльность к взяткодателю и готовность оправдать его действия.

На вопрос анкеты «Какими признаками должны обладать действия, чтобы их можно было назвать коррупцией?» были получены следующие ответы (рис. 3).

Рисунок 3 показывает, что респонденты считают коррупцией действия, в результате которых люди несправедливым образом приобретают привилегии, которых нет у других людей, или наносится явный вред всему обществу, затрудняя добросовестную конкуренцию и сдерживая развитие экономики. Таким образом, в коррупции опрошенные видят акт несправедливости, а также экономический и моральный ущерб обществу. Аналогичные данные получены и Д. А. Китовой в 2018 г. [44]. Согласно ее результатам, максимальный ущерб от коррупции наносится государству и его институтам, на втором месте по уровню ущерба — экономический урон (нерациональное расходование бюджетных средств, разрушение эффективности конкурентной среды, рост теневой экономики, снижение инвестиций и налогов, отток квалифицированных кадров за рубеж).

Какой именно ущерб наносит коррупция и какие последствия она несет для российского общества, зафиксировано на основе ответов респондентов на рисунке 4.

Как показали результаты исследования (рис. 4), среди негативных последствий коррупции россияне прежде всего выделяют обострение социальных проблем (74%), неэффективное расходование бюджетных средств (67%), проблемы воспроизводства социального неравенства (55%), снижение защиты прав граждан (53%) и укоренение противоправных образцов в поведении сограждан (52%). Таким образом, респондентами осознаются и выделяются не только социально-экономические, но и психологические последствия коррупции.

Важно, что негативные модели поведения в виде установок и коррупционных практик воспроизводятся молодежью [45]. Согласно данным Д. А. Китовой за 2018 г. 97,3% респондентов указывают на недопустимость преступлений против внешнеполитических интересов государства, что скорее свидетельствует о высоком уровне патриотизма, при этом 87,9% респондентов считают допустимыми экономические правонарушения в отношении государства. По данным МВД России, за период с января по ноябрь 2018 г. было выявлено 28 911 преступлений корруп-

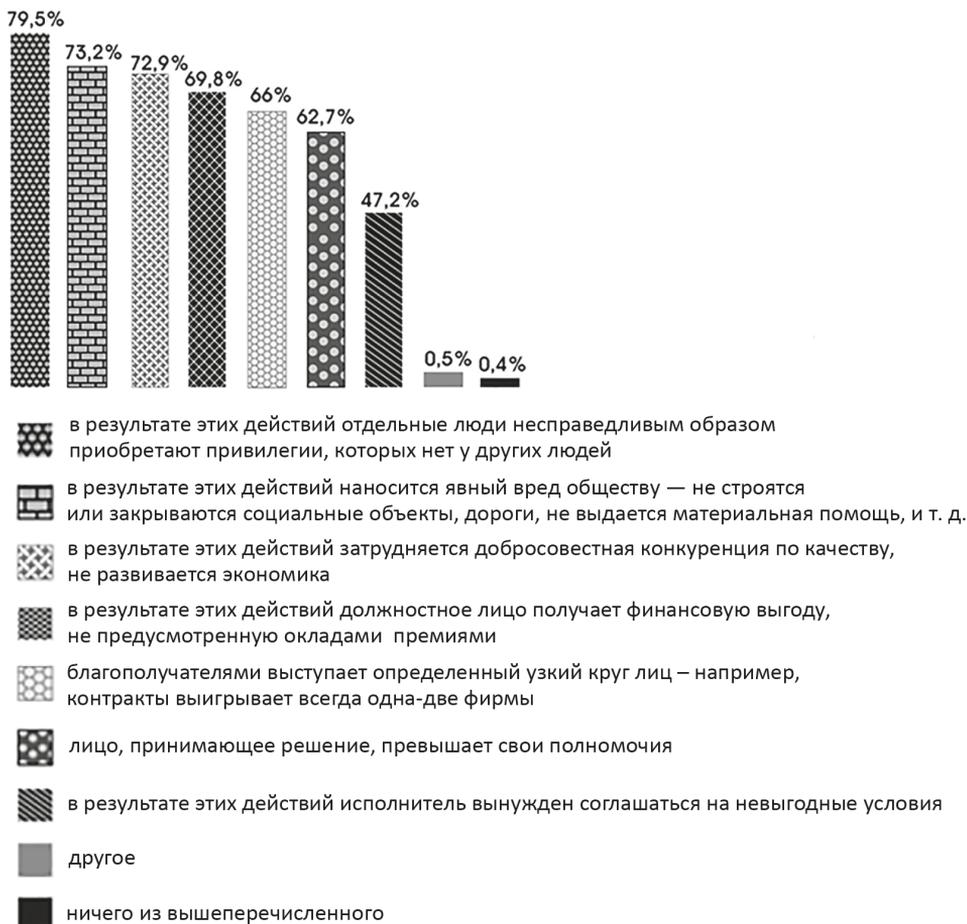

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какими признаками должны обладать действия, чтобы их можно было назвать коррупцией?»

Источники: авторские данные.

ционной направленности, из них связанные со взяточничеством — 11 777, в том числе получение взятки — 3315 (2408 — дача взятки, 887 — посредничество во взяточничестве, 5167 — мелкое взяточничество, 738 — коммерческий подкуп, 213 — мелкий коммерческий подкуп, 6610 — против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) [46].

На вопрос «Сталкивались ли вы лично со случаями коррупции?» были получены варианты ответов (рис. 5).

Таким образом, по мнению россиян, медицина и образование, а также управление транспортным средством — основные точки столкновения граждан с коррупционными практиками. Схожие результаты о наиболее коррупционнoемких отраслях экономики и сферах государственных услуг получают и другие исследователи на региональных [9] и всероссийских [44] выборах.

⁷ Коррупция: как с ней бороться // ВЦИОМ, 17 октября 2008. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2557> (дата обращения: 08.12.2019); Коррупция в России: после «дела Гайзера»

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие последствия, по вашему мнению, несет коррупция?»

И с т о ч н и к : авторские данные.

Причины отказа от предоставления взяток проиллюстрированы рисунком 6.

Рисунок 6 демонстрирует, что наиболее популярными ответами не дававших взятку респондентов были в порядке убывания значимости: возможность решения вопроса без взятки, оценка взятки как аморального поступка, отсутствие стимулирующего ресурса (денег), боязнь уголовного наказания. Тем не менее, по данным судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2017 г., в качестве взяток осужденные получили от 500 до 250 000 рублей, при этом средний размер взятки от 10 000 до 50 000 рублей⁸.

На вопрос «Сколько раз вы брали взятки и почему?» были получены следующие варианты ответов: больше половины респондентов (52%) хотя бы раз брали взятку, 26% опрошенных брали взятку 2–3 раза, 10% — 4–5 раз, 7% — 10 раз и больше, 4% — 6–7 раз, 1% — 8–9 раз. Самыми распространенными причинами этого стали следующие: дополнительный заработок и потому, что решение вопроса требовало неоплачиваемых дополнительных усилий или времени. Так ответили 35 и 34% респондентов соответственно. По 17% получили следующие причины дачи взятки: «мне было приятно, что меня ценят», «потому что так принято», «люди сами просят, приходится брать, чтобы не обидеть их». 10% опрошенных ответили,

// ВЦИОМ, 26 октября 2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115440> (дата обращения: 08.12.2019); Коррупция в России: мониторинг // ВЦИОМ, 01 июня 2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9139> (дата обращения: 08.12.2019).

⁸ Данные судебной статистики. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.08.2020).

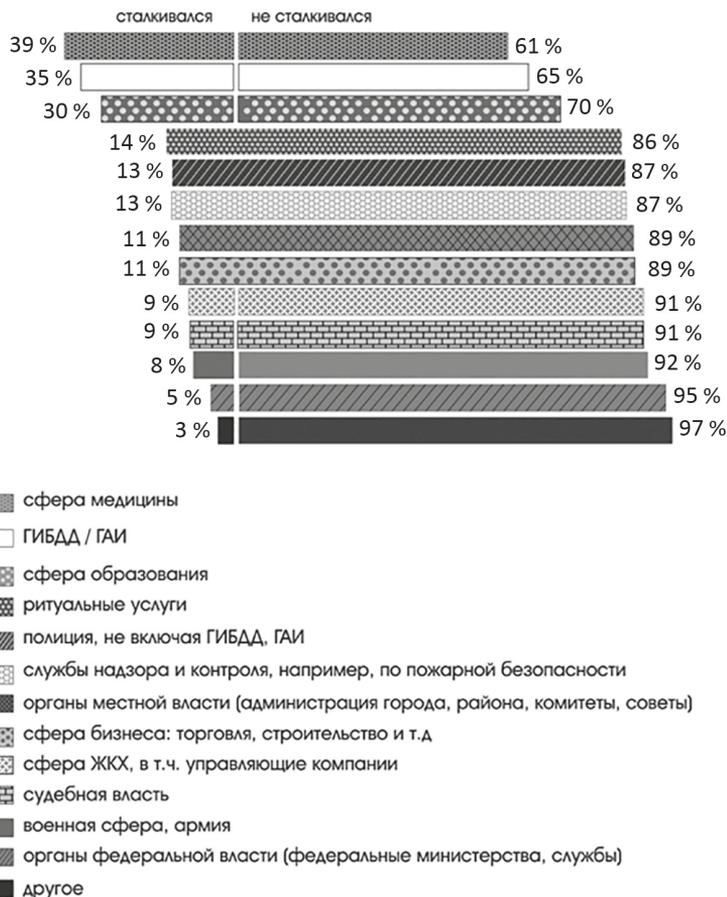
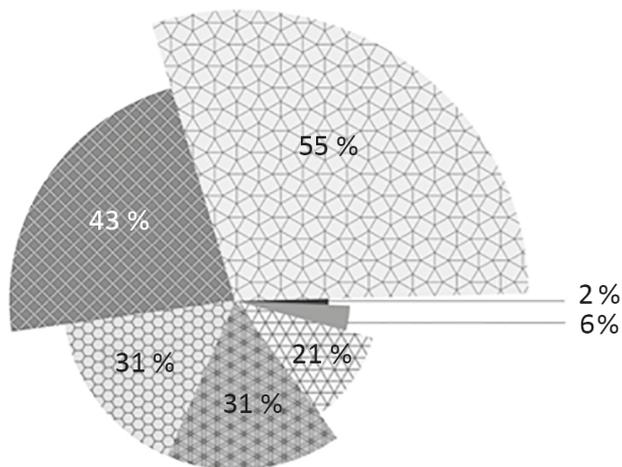

Рис. 5. Коррупционноемкие сферы экономики и государственных услуг, по мнению опрошенных

И с т о ч н и к: авторские данные.

что брали взятки потому, что им хотелось помочь людям с их проблемой, но для этого нужны были дополнительные затраты. 1% ответивших отметили, что им приходилось отдавать часть денег другим причастным / вышестоящим людям, поэтому пришлось взять на дополнительные затраты.

На вопрос «Готовы ли вы решить свой вопрос за дополнительную плату должностному лицу?» 41% опрошенных ответил, что вопросы должны решаться легальным способом, 38% не хотели бы давать дополнительные вознаграждения, но иногда жизнь вынуждает, 8% респондентов затруднились ответить, 7% считают, что, несмотря на установленные порядком возможности решения проблем, с помощью такого стимула некоторые из них решить проще, 3% респондентов не видят ничего предосудительного в том, чтобы решать проблемы при помощи дополнительных вознаграждений, если это облегчает жизнь, 3% готовы простимулировать работника, который им поможет, потому что не считают такую передачу денег взяткой.

- мои вопросы всегда можно было решить без взятки
- я не даю никому взятки, считаю это аморально
- я не даю никому взятки, они мне не по карману
- у меня никогда не вымогали взятку и не говорили, что за дополнительную плату я смогу решить свои вопросы быстрее и качественнее
- я никому не даю взятки, боюсь уголовной ответственности
- не было возможности предложить или заплатить взятку, возможно, я бы и воспользовался(лась) такой возможностью, если бы мог(ла)
- другое

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Вы указали, что не давали никому взятку, укажите, пожалуйста, причину — почему?»

И с т о ч н и к: авторские данные.

Больше всего люди готовы платить за получение вне очереди экстренной медицинской помощи в ситуации угрозы для жизни и узкоспециализированной медицинской помощи.

На вопрос, касающийся осуждения участников «взяточного» поведения, «Осуждаете ли вы...?» были получены следующие варианты ответов, представленные в таблице.

Таблица. Ответы респондентов на вопрос «Осуждаете ли вы...?» (%)

Варианты ответов	Осуждаю	Отношусь без осуждения	Загрудняюсь ответить
Человека, который вымогает взятки	93	3	4
Человека, который соглашается принять предлагаемую взятку	59	23	18
Человека, у которого вымогают взятки	15	69	16
Человека, который дает взятки по собственному желанию	54	27	19

И с т о ч н и к: авторские данные.

Из таблицы видно, что наибольшее осуждение у опрошенных респондентов вызывают люди, которые вымогают взятки (93 %), а также человек, который соглашается принять предлагаемую взятку (59 %). Без осуждения респонденты относятся к человеку, у которого вымогают взятку (69 %).

На вопрос «Как вы считаете, приносит ли результаты борьба с коррупцией?» 42 % респондентов считают, что она остается на том же уровне, 30,1 % — результатов нет, 17,9 % — результаты есть, коррупционеров становится меньше, 5,1 % — затруднились ответить, 4,7 % — результаты есть, коррупция существенно снижается, 0,2 % — с коррупцией вообще не стоит бороться. Полученные нами данные согласуются с результатами опроса молодежи Татарстана 2018 г. [47]. Большая часть опрошенной молодежи нейтрально или даже скептически относится к мероприятиям в сфере противодействия коррупции. Так, большинство опрошенных затруднились ответить на вопрос об эффективности мер, принимаемых в сфере противодействия коррупции в Республике Татарстан, 58 % оценили антикоррупционную деятельность молодежных организаций как малоэффективную и только 15 % посчитали проведенную работу выполненной на «отлично». Данные всероссийского опроса ВЦИОМ⁹ [48; 49] также подтверждают эту тенденцию: 47 % опрошенных считают, что реальные результаты противодействия коррупции не видны.

К наиболее эффективным методам борьбы с коррупцией респонденты отнесли конфискацию имущества (89 %), увольнение с работы (88 %), арест, взятие под стражу (85 %), обнародование фактов взяточничества в СМИ (83 %), просветительскую работу, в том числе о методах наказания за коррупционные действия (75 %), штраф (70 %), общественное порицание (66 %), агитацию против коррупции (63 %). Наименее эффективным методом респонденты считают повышение зарплат подверженным риску коррупции группам чиновников, служащих, работников (за эту меру выступили всего 20 % респондентов).

На вопрос «Что вы сделаете, если станете свидетелем коррупционных правонарушений?» около трети опрошенных (31 %), став свидетелями коррупционных правонарушений, не стали бы куда-то обращаться; 17 % респондентов постарались бы рассказать об этом максимальному числу знакомых; 15,2 % обратились бы в правоохранительные органы; 10,2 % собрали бы записи и дополнительные материалы, далее приняли бы решение, что с этим делать; 7,2 % затруднились ответить; 7 % написали бы пост об этом в социальных сетях; 4 % обратились бы в СМИ, 3 % — в проправительственные общественные организации, партии; 2,4 % — к оппозиционным партиям для организации огласки и лишь 1 % респондентов вышли бы на митинг.

Таким образом, результаты исследования позволили выявить противоречия в отражении коррупции в сознании граждан. При высокой степени осуждения коррупционного поведения и признания в качестве наиболее эффективных мер

---

⁹ Улюкаев: один в поле? Арест министра Улюкаева стал резонансным событием, однако результаты борьбы с коррупцией многие еще считают недостаточными // ВЦИОМ, 25 ноября 2016 г. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/corruption/article/uljukaev-odin-v-pole.html> (дата обращения: 28.11.2016); Полковник Захарченко: раскрыть и обезвредить // ВЦИОМ, 10 октября 2016 года. URL: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/politics/internal-policy/corruption/article/polkovnik-zakharchenko-raskryt-i-obezvredit.html> (дата обращения: 28.11.2016).

строгих наказаний коррупционеров россияне практически не готовы помогать институтам контроля и наказания, участвовать в пресечении коррупционных действий.

Выводы и заключение

Проведенный теоретический анализ выявил значительный потенциал в развитии междисциплинарного подхода к изучению коррупции. Одновременно отмечено смещение фокуса исследований от фиксирования восприятия коррупции у различных социальных групп к активному поиску отечественными и зарубежными учеными интерпретирующих моделей и объясняющих построений.

В ходе всероссийского исследования нами был получен материал, подкрепленный данными других общенациональных и региональных замеров, о восприятии и понимании гражданами феномена коррупции, об их представлениях по поводу эффективных мер противодействия коррупции и возможном участии в контроле и пресечении коррупционных практик. Также на основе измерения общественного мнения были подтверждены коррупционнотемные сферы оказания государственных услуг (образование, здравоохранение, управление автотранспортным средством), а также типичные коррупционные практики.

Главный результат проведенного всероссийского исследования заключается в выявлении противоречия в отражении коррупции в сознании граждан. При высокой степени осуждения коррупционного поведения и признания в качестве наиболее эффективных мер строгих наказаний коррупционеров россияне практически не готовы помогать институтам контроля и наказания, участвовать в пресечении коррупционных действий. Следует искать культурно-исторические корни такого противоречия (общинность традиционного сознания, историческая память, осуждение доношительства).

Довольно большая часть коррупционных практик (дарение, добровольная дача взятки, взаимные услуги, деловые договоренности и ретроградное премирование за предоставление более выгодных условий и т. д.) находятся в зоне серой коррупции, воспринимаемой россиянами как цивилизованные партнерские отношения.

В настоящем исследовании получена картина отношения к коррупции и коррупционным практикам на уровне массового сознания. В дальнейшем планируется провести подробный дифференцированный анализ эмпирических данных с учетом демографических и географических факторов.

Представляется целесообразным дальнейший синтез социологического и психологического знания в поисках предпосылок и механизмов коррупции при изучении ментальных установок и традиционных базовых ценностей россиян, а также их учета в системе превентивных мер и социальных технологий антикоррупционных мероприятий. Перспективное направление дальнейших исследований связано с расширением поиска механизмов коррупционных практик за счет психологии коррупционера.

Литература

1. *Alatas S.* The Sociology of Corruption: The Nature, Function, Causes and Prevention of Corruption. Singapore: Donald Moore Press Ltd, 1968. 87 p.
2. *Карпова С. Г., Пинчук А. Н., Некрасов С. В.* Коррупция в свете социологических теорий // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 2. С. 52–64.
3. *Быстрова А., Сильвестрос М.* Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 1. С. 83–101.
4. *Добренков В. И., Исправникова Н. Р.* Коррупция: современные подходы к исследованию. М.: Академический проект; Альма Мастер, 2009. 208 с.
5. *Кирпичников А. И.* Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. 352 с.
6. *Сатаров Г. А.* Как измерять и контролировать коррупцию // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 5–11.
7. *Турчинов А. И., Магомедов К. О.* Кадровый потенциал государственной гражданской службы: духовно-нравственные проблемы. М.: Изд-во РАГС, 2010. 118 с.
8. *Куприянов И. С.* Бытовая коррупция в современной России: социальное содержание и основные тенденции (на материалах исследований в Ивановской области): автореф. дис. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород, 2011. 203 с.
9. *Никифорова О. А.* Восприятие населением уровня коррупции в профессиональных сферах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, вып. 1. С. 51–66. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>.
10. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2010. 356 с.
11. *Барсукова С. Ю.* Ресурсная экономика и сословная рента (о книге С. Кордонского) // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 33–42.
12. *Мартынов В. С.* Коррупция и сословно-статусная рента в России // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: материалы 2-й всерос. науч. конф. с межд. участием / отв. ред. В. Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 2016. С. 31–48.
13. *Бессонова О. Э.* Институциональная матрица для модернизации России // Вопросы экономики. 2012. № 8. С. 122–144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-8-122-144>.
14. *Дементьев В. В.* Система власти и рентное поведение в переходной экономике // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия экономическая. 2001. № 12. С. 55–62.
15. *Глинкина С. П.* Феномен коррупции: взгляд экономиста // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 3–17. URL: <http://hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Glinkina2010.pdf> (дата обращения: 13.08.2020).
16. *Епифанова Н.* Исследование коррупции на основе методов экономической теории // Вопросы экономики. 2007. № 1. С. 33–44.
17. *Tannenbaum F.* Crime and community. New York: Columbia University Press, 1963. 487 p.
18. *Lemert E. M.* Social Pathology. New York: Mcgraw-Hill, 1951. 459 p.
19. *Heidenheimer A., Johnston M., Levine V.* Political Corruption. A Handbook. New Brunswick: Transaction Publishers, 1989. xvi, 1017 p.
20. *Heidenheimer A.* Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA, Quebec City. 2000.
21. *Giannakopoulos A., Maras K., Tanzler D.* The social construction of corruption: theoretical reflections / The social construction of corruption in Europe. London: Routledge, 2016. 352 p.
22. *Нестик Т. А.* Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний: сб. Вып. 4: Теневая экономика в советском и постсоветском обществах. Ч. 2. Статьи. Библиография / под ред. Л. М. Тимофеева, Ю. В. Латова. М.: РГГУ, 2002. С. 82–94.
23. *Шедий М. В.* Коррупция как социальное явление: социологический анализ: дис. ... д-ра соц. наук. М.: РАНХиГС, 2015. 393 с.
24. *Притцль Р. Ф.* Коррупция, ренитоориентированное поведение и организованная преступность в России // Политэконом. 1997. № 1. С. 67.
25. *Дейнека О. С.* Психология превентивной политики правонарушений в экономике и бизнесе. Saarbrücken, Deutschland: Palmarium Academic Publishing, 2013. 410 с.
26. *Денисова-Шмидт Е. В., Хубер М., Леонтьева Э. О.* Оказывают ли антикоррупционные просветительские кампании влияние на студентов? По результатам исследований в России и Украины // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 61–83.

27. Kerkhoff A. D. N., Hoenderboom M. P., Kroeze D. B. R., Wagenaar F. P. Dutch political corruption in historical perspective: From eighteenth century value pluralism to a nineteenth century dominant liberal value system and beyond // *Korruption. Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation* / eds. by N. Grüne, S. Slanička. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. P. 443–467.
28. Göttingen: Vandenhoeck Ruprecht; de Graaf G., Wagenaar F. P., Hoenderboom M. P. Constructing corruption // *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption* / eds by G. de Graaf, P. von Maravic, P. Wagenaar. Opladen: Barbara Budrich, 2010. P. 98–114.
29. Решетников М. М. Психология коррупции: утопия и антиутопия. СПб.: Изд-во Восточно-Европейского института психоанализа, 2008. 128 с.
30. Ванновская О. В. Психология коррупционного поведения государственных служащих. М.: Юрайт, 2018. 251 с.
31. Журавлев А. Л., Китова Д. А., Соснин В. А. Социально-психологические исследования коррупции. М.: Ин-т психологии РАН, 2017. 285 с.
32. Deyneka O. Attitude toward corruption: two comparative studies. In PACT 2015 International Psychological Applications Conference and Trends. Ljubljana, Slovenia. 2 to 4 May. Proceedings / ed. C. Pracana. Lisbon: W.I.A.R.S., 2015. P. 156–159. URL: http://inpect-psychologyconference.org/wp-content/uploads/2014/04/InPACT-2015_Proceedings.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
33. Deyneka O. Student's ideas about the prerequisites and measures to combat corruptions. In PACT-2019. Zagreb. Croatia. 4–6 May. Proceedings / ed. by C. Pracana, M. Wang. Lisbon: W.I.A.R.S., 2019. P. 173–177. URL: http://inpect-psychologyconference.org/wp-content/uploads/2019/05/InPACT-2019_Book-Proceedings.pdf (дата обращения: 21.11.2019).
34. Nee C., Button M., Shepherd D., Blackburn D., Leal S. The psychology of the corrupt: some preliminary findings // *Journal of Financial Crime*. 2019. No. 26 (2). P. 488–495. URL: <https://doi.org/10.1108/JFC-03-2018-0032> (дата обращения: 20.07.2020).
35. Blickle G., Schlegel A., Fassbender P., Klein U. Some personality correlates of business white-collar crime // *Applied Psychology: An International Review*. 2006. No. 55. P. 220–233.
36. Gbadamosi G. The King's new clothes in the eyes of the beholder: developing a measurement scale for attitude towards corruption // *Management challenges in an environment of increasing regional and global concerns, Proceedings of the 18th World Business Congress (IMDA)*. 1–5 July 2009. Tbilisi: IMDA, 2009. P. 73–78.
37. DeCelles K. A., DeRue D. S., Margolis J. D. & Ceranic T. L. Does power corrupt or enable? When and why power facilitates self-interested behavior // *Journal of Applied Psychology*. 2012. № 97 (3). P. 681–689. <https://doi.org/10.1037/a0026811>.
38. O'Connor S., Fischer R. Predicting Societal Corruption across Time: Values, Wealth, or Institutions? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. No. 43 (4). P. 644–659. <https://doi.org/10.1177/0022022111402344>.
39. Branisa B., Ziegler M. Reexamining the link between gender and corruption: The role of social institutions // *Courant Research Centre: Poverty, Equity and Growth. Discussion Papers 24*. Courant Research Centre PEG, 2010. P. 1–26.
40. Köbis N. C. The psychology of corruption. Amsterdam: University of Amsterdam, 2018. 193 p.
41. Gorsira M., Steg L., Denkers A., Huisman W. Corruption in Organizations: Ethical Climate and Individual Motives // *Administrative Sciences, MDPI, Open Access Journal*. 2018. Vol. 8 (1). P. 1–19. <https://doi.org/10.3390/admsci8010004>.
42. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.
43. Беркович М. И., Духанина Л. Н., Максименко А. А., Надуткина И. Э. Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2019. Т. 12, № 2. С. 161–178. URL: <http://esc.vssc.ac.ru/article/28144/full> (дата обращения: 08.12.2019).
44. Китова Д. А. Представления личности о социальных проявлениях коррупции // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019. Т. 4, № 1 (13). С. 155–190.
45. Китова Д. А. Психологические особенности отношения современной молодежи к коррупции // *Наука. Культура. Общество*. 2017. № 2. С. 38–49.
46. Антонян Ю. М., Бражников Д. А., Гончарова М. В. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с. URL: https://mvd.ru/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (дата обращения: 02.02.2019).

47. Шакирова А. Ю., Абросимова А. В. Эффективность антикоррупционной политики в оценке молодежи Республики Татарстан // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции: сб. тр. по итогам III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: Ин-т философии и права Урал. отд. РАН. 2019. С. 544–562.

Статья поступила в редакцию 20 мая 2020 г.;
рекомендована в печать 29 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Максименко Александр Александрович — д-р соц. наук, канд. психол. наук, доц.;

Maximenko.A1@gmail.com

Дейнека Ольга Сергеевна — д-р психол. наук, проф.; osdeynea@yandex.ru

Крылова Дина Владимировна — krylovadv@hse.ru

Духанина Любовь Николаевна — д-р пед. наук, проф.; Duhanina@mail.ru

The attitude of Russians towards corruption

A. A. Maksimenko¹, O. S. Deyneka², D. V. Krylova¹, L. N. Dukhanina³

¹ National Research University “Higher School of Economics”,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 109028, Russian Federation

² St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

³ All-Russian “Znanie” Society,
11, Nikoloyamskaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V., Dukhanina L. N. The attitude of Russians towards corruption. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, issue 4, pp. 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404> (In Russian)

The article presents an analytical review of modern domestic and foreign research on the sociology of corruption and the psychology of a corrupt person. The necessity of an interdisciplinary study of attitudes towards corruption as well as mental and situational prerequisites for corrupt behavior is substantiated. The empirical results presented in the article are based on data from a large-scale survey conducted in 2018 by experts from the All-Russian “Znanie” Society in cooperation with the National Education Resources Foundation. As a result of the study, a detailed picture of Russians’ ideas about the essence and causes of corruption in Russia, typical behavioral reactions to corrupt situations, and the degree of the citizens’ interest in overcoming corruption was obtained. In the course of a survey of Russians, the dominant ideas about the consequences of corrupt actions were revealed, and feedback was obtained on the effectiveness of methods to fight corruption. There are contradictions in the attitude of the Russians to corruption, which were revealed. The overwhelming majority of respondents avoids corrupt behavior and understand the costs of corruption for the country’s economy and social development. Almost half of the respondents consider corrupt practices an immoral act, but they will not hesitate to violate legal and cultural norms when it comes to the threat to life and specialized medical care for themselves and loved ones. With a high degree of condemnation of corrupt behavior and recognition of severe punishment of corrupt officials as the most effective measures, the Russians are practically not ready to support the institutions of control and punishment, to participate in the suppression of corruption. The results obtained can be useful for the continued search for reasons of why Russians have a relatively tolerant attitude towards corruption, as well as the reasons for their involvement in corrupt behavior.

Keywords: sociology and psychology of corruption, public opinion research, attitudes towards corrupt practices, bribery, consequences of corruption, attitudes towards methods of fighting corruption.

References

1. Alatas S. *The Sociology of Corruption: The Nature, Function, Causes and Prevention of Corruption*. Singapore, Donald Moore Press Ltd, 1968. 87 p.
2. Karepova S. G., Pinchuk A. N., Nekrasov S. V. Corruption in the light of sociological theories. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2018, no. 2, pp. 52–64. (In Russian)
3. Bystrova A., Sil'vestros M. The phenomenon of corruption: some research approaches. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2000, no. 1, vol. 3, pp. 83–101. (In Russian)
4. Dobren'kov V. I., Ispravnikova N. R. *Corruption: modern approach to research*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Al'ma Master Publ., 2009. 208 p. (In Russian)
5. Kirpichnikov A. I. *Bribery and corruption in Russia*. St. Petersburg, Alfa Publ., 1997. 352 p. (In Russian)
6. Satarov G. A. How to measure and control corruption. *Voprosy ekonomiki*, 2007, no. 1, pp. 5–11. (In Russian)
7. Turchinov A. I., Magomedov K. O. *Staff potential of the state civil service moral problems*. Moscow, RAGS Publ., 2010. 118 p. (In Russian)
8. Kupriyanov I. S. *Domestic corruption in Russia: social content and main trends (based on research materials in the Ivanovo region)*: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Nizhnii Novgorod, 2011. 203 p. (In Russian)
9. Nikiforova O. A. Public perception of the level of corruption in professional spheres. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 51–66. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.104>. (In Russian)
10. Rouz-Akkerman S. *Corruption and Government. Causes, consequences*. Moscow, Logos Publ., 2010. 356 p. (In Russian)
11. Barsukova S. Yu. Resource economy and estate rent (about the book by S. Kordonskii). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2012, no. 3, pp. 33–42. (In Russian)
12. Mart'yanov V. S. Corruption and estate-status rent in Russia. *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti protivodejstviya korrupcii (materialy 2-j vseros. nauch. konf. s mezhd. uchastiem)*. Ed. V. N. Rudenko. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., 2016, pp. 31–48. (In Russian)
13. Bessonova O. E. Institutional matrix for the modernization of Russia. *Voprosy ekonomiki*. 2012, no. 8, pp. 122–144. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-8-122-144>. (In Russian)
14. Dement'ev V. V. The system of power and rental behavior in a transitional economy. *Nauchnye trudy Doneckogo nacional'nogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya ekonomicheskaya*. 2001, no. 12, pp. 55–62. (In Russian)
15. Glinkina S. P. The phenomenon of corruption: an economist's view. *Novaya i novejsaya istoriya*, 2010, no. 4, pp. 3–17. Available at: <http://hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Glinkina2010.pdf> (accessed: 13.08.2020). (In Russian)
16. Epifanova N. Corruption research based on the methods of economic theory. *Voprosy ekonomiki*, 2007, no. 1, pp. 33–44. (In Russian)
17. Tannenbaum F. *Crime and community*. New York, Columbia University Press, 1963. 487 p.
18. Lemert E. M. *Social Pathology*. New York, McGraw-Hill, 1951. 459 p.
19. Heidenheimer A., Johnston M., Levine V. *Political Corruption. A Handbook*. New Brunswick, Transaction Publishers, 1989. pp. 17–29.
20. Heidenheimer A. Campaign Finance and Political Corruption: Tracing Long-Term Comparative Dynamics. Paper presented at the XVIII World Congress of the IPSA, Quebec City, 2000.
21. Giannakopoulos A., Maras K., Tanzler D. The social construction of corruption: theoretical reflections. *The social construction of corruption in Europe*. London, Routledge, 2016. 352 p.
22. Nestik T. A. Corruption and culture. *Economic theory of crimes and punishments: sat. Issue 4: Shadow economy in Soviet and post-Soviet societies. Part 2. Articles. Bibliography*. Eds L. M. Timofeev, Yu. V. Latov. Moscow, RGGU Publ., 2002, pp. 82–94. (In Russian)
23. Shedij M. V. *Corruption as a social phenomenon: sociological analysis*, diss. ... dokt. soc. nauk. Moscow, RANEPa Publ., 2015. 393 p. (In Russian)
24. Pritcl' R. F. Corruption, rent-seeking behavior and organizes crime in Russia. *Politekonom*, 1997, no. 1, p. 67. (In Russian)
25. Deyneka O. S. *Psychology of the preventive policy and delinquency in economy and buiseness*. Saarbrücken, Deutschland, Palmarium Academic Publishing, 2013. 410 p. (In Russian)
26. Denisova-SHmidt E. V., Huber M., Leont'eva E. O. Do anti-corruption education campaigns have an impact on students? Based on research results in Russia and Ukraine. *Voprosy obrazovaniya*, 2016, no. 1, pp. 61–83. (In Russian)

27. Kerkhoff A. D. N., Hoenderboom M. P., Kroeze D. B. R., Wagenaar F. P. Dutch political corruption in historical perspective: From eighteenth century value pluralism to a nineteenth century dominant liberal value system and beyond. *Korruption. Historische Annäherungen an eine Grundfigur politischer Kommunikation*. Eds. N. Grüne, S. Slanička. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, pp. 443–467.
28. Göttingen: Vandenhoeck Ruprecht; de Graaf G., Wagenaar F. P., Hoenderboom M. P. Constructing corruption. *The Good Cause. Theoretical Perspectives on Corruption*. Eds. G. de Graaf, P. von Maravic, P. Wagenaar. Opladen, Barbara Budrich, 2010, pp. 98–114.
29. Reshetnikov M. M. *The psychology of corruption: Utopia and Dystopia*. St. Petersburg, Vostochno-Evropeiskiy institut psichoanaliza Publ., 2008. 128 p. (In Russian)
30. Vannovskaya O. V. *The psychology of corrupt behavior of civil servants*. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 251 p. (In Russian)
31. Zhuravlev A. L., Kitova D. A., Sosnin V. A. *Socio-psychological research on corruption*. Moscow, In-t psihologii RAN Publ., 2017. 285 p. (In Russian)
32. Deyneka O. Attitude toward corruption: two comparative studies. *InPACT 2015 International Psychological Applications Conference and Trends*. Ljubljana, Slovenia. 2 to 4 May. Proceedings. Ed. by C. Pracana. Lisbon, W.I.A.R.S., 2015, pp. 156–159. Available at: http://inpact-psychologyconference.org/wp-content/uploads/2014/04/InPACT-2015_Proceedings.pdf (accessed: 21.11.2019).
33. Deyneka O. Student's ideas about the prerequisites and measures to combat corruptions. *InPACT-2019. Zagreb. Croatia. 4–6 May. Proceedings*. Ed. C. Pracana M. Wang. Lisbon, W.I.A.R.S., 2019, pp. 173–177. Available at: http://inpact-psychologyconference.org/wp-content/uploads/2019/05/InPACT-2019_Book-Proceedings.pdf (accessed: 21.11.2019).
34. Nee C., Button M., Shepherd D., Blackburn D., Leal S. The psychology of the corrupt: some preliminary findings. *Journal of Financial Crime*, 2019, no. 26 (2), pp. 488–495. <https://doi.org/10.1108/JFC-03-2018-0032>.
35. Blickle G., Schlegel A., Fassbender P., Klein U. Some personality correlates of business white-collar crime. *Applied Psychology: An International Review*, 2006, no. 55, pp. 220–233.
36. Gbadamosi G. The King's new clothes in the eyes of the beholder: developing a measurement scale for attitude towards corruption. *Management challenges in an environment of increasing regional and global concerns, Proceedings of the 18-th World Business Congress (IMDA). 1–5 July 2009*. Tbilisi, IDMA, 2009, pp. 73–78.
37. DeCelles K. A., DeRue D. S., Margolis J. D., Ceranic T. L. Does power corrupt or enable? When and why power facilitates self-interested behavior. *Journal of Applied Psychology*, 2012, no. 97 (3), pp. 681–689. <https://doi.org/10.1037/a0026811>.
38. O'Connor S., Fischer R. Predicting Societal Corruption across Time: Values, Wealth, or Institutions? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2012, no. 43 (4), pp. 644–659. <https://doi.org/10.1177/0022022111402344>.
39. Branisa B., Ziegler M. Reexamining the link between gender and corruption: The role of social institutions. *Courant Research Centre: Poverty, Equity and Growth*. Discussion Papers 24. Courant Research Centre PEG, 2010, pp. 1–26.
40. Köbis N. C. *The psychology of corruption*. Amsterdam, University of Amsterdam, 2018. 193 p.
41. Gorsira M., Steg L., Denkers A., Huisman W. Corruption in Organizations: Ethical Climate and Individual Motives. *Administrative Sciences, MDPI, Open Access Journal*, 2018, vol. 8 (1), pp. 1–19. <https://doi.org/10.3390/admsci8010004>.
42. *Self-regulations and prediction of social behavior of a reson*. Ed. V. A. Yadov. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 264 p. (In Russian)
43. Berkovich M. I., Duhana L. N., Maksimenko A. A., Nadutkina I. E. Perception of corruption as a socio-economic phenomenon by the population of the region: structural aspect. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 161–178. Available at: <http://esc.vsc.ac.ru/article/28144/full> (accessed: 08.12.2019). (In Russian)
44. Kitova D. A. Personal perceptions of social manifestations of corruption. *Institut psihologii Rossijskoi akademii nauk. Sotsial'naiia i ekonomicheskaiia psihologiya*, 2019, vol. 4, no. 1 (13), pp. 155–190. (In Russian)
45. Kitova D. A. Psychological features of the attitude of modern youth to corruption. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2017, no. 2, pp. 38–49. (In Russian)
46. Antonyan Yu. M., Brazhnikov D. A., Goncharova M. V. et al. *Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and estimated options for its development: an analytical review*. Moscow, FGKU «VNII MVD Rossii» Publ., 2018. 86 p. Available at: https://mvd.ru/upload/site163/document_text/Kompleksnyy_analiz__original-maket_24_04.pdf (accessed: 02.02.2019). (In Russian)

47. Shakirova A. Yu., Abrosimova A. V. The effectiveness of anti-corruption policy in assessing the youth of the Republic of Tatarstan. *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniia gosudarstvennoi politiki Rossijskoi Federatsii v oblasti protivodeistviia korruptsii: sb. tr. po itogam Tretei Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Ekaterinburg, In-t filosofii i prava Ural. otd. RAN Publ., 2019, pp. 544–562. (In Russian)

Received: May 20, 2020

Accepted: September 29, 2020

Authors' information:

Aleksandr A. Maksimenko — Dr. Sci. in Sociology, Associate Professor; Maximenko.Al@gmail.com

Olga S. Deyneka — Dr. Sci. in Psychology, Professor; osdeyneka@yandex.ru

Dina V. Krylova — krylovadv@hse.ru

Lubov N. Dukhanina — Dr. Sci. in Education, Professor; Duhanina@mail.ru